

РОССИЯ В ГЛОБАЛЬНОЙ ПОЛИТИКЕ

3 июля 2006

http://www.globalaffairs.ru/number/n_6816

Россия и глобализация

Георгий Вельяминов

© "Россия в глобальной политике". № 3, Май - Июнь 2006

Г.М. Вельяминов – д. ю. н., профессор, главный научный сотрудник Института государства и права РАН; арбитр Международного коммерческого арбитражного суда при Торгово-промышленной палате РФ.

Резюме Развитие рыночной глобализации и усиление террористической активности – процессы параллельные и взаимосвязанные. Терроризм коренится не только в бедности, но и в углубляющейся пропасти между бедностью и богатством, в желании добиться успеха любой ценой.

Вступление России в глобализирующийся мир, ее активное участие в международных структурах, в том числе ожидающееся членство во Всемирной торговой организации (ВТО), требуют глубокого осознания сущности, истоков и перспектив глобализационных процессов. Глобализация – понятие не правовое, а экономическое, политическое и социальное. Речь идет о всесторонней планетарно ориентированной экспансии, осуществляемой отдельными индивидами, коллективами, государствами и межгосударственными объединениями в таких сферах, как торговля, финансы, промышленность, коммуникация, информатика, наука, техника, культура, религия, преступность и пр., и сопровождающейся конвергенцией (сближение различных цивилизационных систем, стирание различий между ними. – Ред.).

История глобализации, восходящая к эпохе Римской империи (Pax Romana), есть по большей части история вестернизации. Современная глобальная политика зародилась, по мнению исследователей, в XIV–XVII веках – в период начальной европейской экспансии. Нынешний этап развития глобализации характеризуется ее беспрецедентным географическим охватом, интенсивностью и масштабностью торгово-промышленных и финансовых трансграничных трансфертов. Такие не зависящие непосредственно от глобализации факторы, как распад колониальной системы, крушение социалистического сообщества, а также научно-техническая и коммуникационная революция, обеспечили ей мощную материальную базу.

На сегодняшний день глобальный капитализм и свободный рынок – это наиболее эффективный мотор экономического прогресса, они же, увы, содействуют увеличению судьбоносного разрыва между бедностью и богатством (или, по крайней мере, оказываются не в состоянии его сократить), деградации окружающей среды и массовой культуры. Но процесс глобализации исторически не постоянен; годы активизации сменяются периодами спада и дезинтернационализации. Что касается современного витка глобализации, то согласно прогнозу группы английских ученых, сделанному в 1999 году, предвидится «после сдвига в сторону более регулируемой формы глобализации переход к поверхностной глобализации (поскольку протекционизм, эксклюзивный регионализм и национализм одерживают верх), а затем – к более хищной форме неолиберальной экономической глобализации».

ОСОБЕННОСТИ СОВРЕМЕННОЙ ГЛОБАЛИЗАЦИИ

Локомотивом построения глобализационной системы являются Соединенные Штаты. Между современной

глобализацией и панамериканизмом вполне уместно поставить знак равенства. Как утверждают в своем капитальном исследовании «Империя» ученые Майкл Хардт и Антонио Негри, «образ американского правительства как мирового жандарма... сформировался не в 1960-е и даже не на первом этапе холодной войны, а начиная с периода советской революции и, возможно, с еще более ранних времен... Мы переживаем первую фазу преобразования глобального фронта (постоянно отодвигаемая под натиском непрерывной экспансии граница. – Г.В.) в открытое пространство имперского (имеется в виду американского. – Г.В.) суверенитета».

Идеологической базой глобально-имперских притязаний Америки служит (прежде всего со времен президента Вудро Вильсона) мессианская идея об исключительной демократическо-цивилизаторской миссии США, подразумевающей построение Pax Americana. Эта провиденциальная (провиденциализм – понимание процесса всего мирового развития как проявления воли Провидения, осуществления божественного плана «спасения» человека. – Ред.) идея владеет умами и нынешних американских строителей всемирной империи. С 1990-х годов администрация Соединенных Штатов взяла открытый курс на глобальное военно-стратегическое доминирование. По словам бывшего президента Билла Клинтона, американский народ и Конгресс должны быть готовы платить за сохранение своего лидерства, в том числе иногда и «жизнями американцев». (Агрессия в Ираке, осуществленная уже при президенте Джордже Буше-младшем, показала, что это не пустые слова.)

Что касается торгово-финансовой глобализации, то здесь политика Вашингтона определяется экономическими интересами большого капитала США. При этом все реальные «успехи» такой глобализации практически сосредоточены в сфере экономического экспансионизма (международная торговля, финансовые трансферты и инвестиции, промышленность). Можно, правда, говорить и об «успехе» военной глобализации, в которую вовлечено шесть стран: США, Великобритания, Япония, Франция, Швеция и Германия, каждая из которых играет свою роль в структуре мирового военного порядка, «что имеет важные политические последствия, разрушающие само понятие независимой государственности» (Дэвид Хелд, Дэвид Гольдблатт, Энтони Макгрю, Джонатан Перратон, в книге: Глобальные трансформации. Политика, экономика и культура).

Даже так называемая культурная глобализация, по сути, не более чем маргинальный продукт торговой экспансии, причем движущей силой глобального распространения массовой культуры является культурная индустрия Соединенных Штатов. «В конце концов и Голливуд, и такие компании, как Microsoft и AT&T, занимаются тем, что делают деньги», – отмечают эксперты.

Социальная составляющая глобализации оценивается со знаком минус. По словам профессора Иллинойского университета (США) Роберта Макчесни, «политика глобализации привела к значительному росту социального и экономического неравенства, к заметному ухудшению положения беднейших наций и народов мира...». В программном документе United States Command, Vision for 2020 отмечается, что «глобализация мировой экономики продолжается, а пропасть между “имущими” и “неимущими” возрастает». Этот разрыв и есть питательная среда преступности, терроризма, наркомании и т. д. Однако для исправления такой ситуации ничего не делается.

Глобализация оказывает пагубное воздействие также и на окружающую среду. Даже скромная попытка ограничить загрязненность атмосферы на многосторонней основе (Киотский протокол 1997-го, предусматривающий установление для стран-участниц квот на выброс парниковых газов) не была поддержана самыми главными «загрязнителями» – Соединенными Штатами и Китаем.

Важнейшая системообразующая особенность современной глобализации – ее ярко выраженная управляемость. Хотя глобализационные процессы объективно обусловлены общей интернационализацией жизни на планете и, казалось бы, стихийны, на самом деле они умело направляются в русло рыночной экономики, в рамки ее концептуально капиталистической, неолиберальной модели. «Глобализация далека от того, чтобы оставаться просто “вне контроля”, она, напротив, представляет собой объект новых форм многостороннего регулирования и многостороннего управления... разные и осознанные политические или экономические проекты национальных элит и межнациональных социальных сил», – утверждают Хелд, Гольдблатт, Макгрю, Перратон. Главной руководящей силой, несомненно, являются США – оплот международного мегакапитала.

Наиболее действенный и надежный метод управления – право. Однако глобализация, как таковая, не может напрямую формировать право, ибо последнее есть выражение государственной воли, а международное право (в том числе в экономической области) выражает согласованные воли государств. В современном мире такое согласование происходит в ходе переговоров в первую очередь между странами – членами международных организаций; а торгово-экономические глобализационные отношения регулируются в рамках ВТО.

Явственное воздействие контролируемой экономической глобализации на реальное многостороннее правотворчество наблюдается только в сфере международной торговли прежде всего промышленными товарами, а также в связанной с торговлей защитой интеллектуальной собственности и инвестиций. Что касается

регулирования валютно-финансовых отношений, с крахом Бреттон-Вудской системы (1972) валютные курсы, транснациональные трансферты капитала существенно не регулируются на многостороннем международно-правовом уровне.

Это же касается и сферы производства. Как пишут солидные английские исследователи, сегодня «глобализацию производства осуществляют в значительной мере многонациональные корпорации..., остающиеся стержнем современной мировой экономики». Около 25 % всех крупнейших ТНК базируются в Соединенных Штатах. Для ТНК, естественно, какое-либо государственное или межгосударственное вмешательство в их деятельность отнюдь не желательно. Но при этом в отношении прямых инвестиций в страны с так называемыми некоммерческими (политическими) рисками защита от таковых оказывается весьма востребованной, и она осуществляется в рамках в основном двусторонних международных соглашений о поощрении и защите инвестиций, а также на базе Многостороннего агентства по инвестиционным гарантиям (MIGA).

СТОРОННИКИ, ПРОТИВНИКИ И ИДЕЙНЫЕ ВДОХНОВИТЕЛИ

Сущность и перспективы глобализации оцениваются учеными по-разному.

Ортодоксы-глобалисты (гиперглобалисты) – Кенечи Омае, Джеймс Редвуд, Милтон Фридман, Пол Кеннеди, Энн Слотер и др. – рассматривают глобализацию как новую эру глобальной цивилизации, движущими силами которой являются капитализм и новые технологии. Национальные государства переживают упадок, а людские судьбы полностью зависят от порядков на мировом рынке.

По мнению трансформистов (Барри Аксфорд, Дэвид Хелд, Дэвид Гольдблатт, Энтони Макгрю, Джонатан Перратон, Джеймс Розенау, Энтони Гидденс и др.), глобализация глубоко трансформирует мировую политику, государственную власть и общество, которые пытаются адаптироваться к более взаимосвязанному и быстро меняющемуся миру. Однако, поскольку интеграции сопутствует фрагментация, стабильность дальнейшего развития глобализации ставится этими учеными под сомнение.

Скептики (Пол Хирст, Грэхем Томпсон, Джордж Аллен, Роберт Гилпин, Найель Фергюссон и др.) считают, что глобализация – миф. Речь может идти только о трех основных региональных блоках, конфликте цивилизаций и маргинализации Юга. Власть национальных правительств остается неизменной и весьма сильной, интернационализация зависит от согласия между государствами. Мир сегодня даже менее взаимозависим, чем в 90-е годы XIX столетия.

Антиглобалисты (Ноам Хомский, Роберт Макчесни, Алекс Каллиникос, Наоми Кляйн, Сьюзен Джордж, Ричард Фальк и др.), некоторые из которых сами себя называют альтерглобалистами, фактически выступают не против самого процесса глобализации, а против его целей (служить корыстным интересам мегакapитала) и методов. Сопrotивление современной односторонней глобализации – «всеобщей товаризации и приватизации мира» (Каллиникос) – реализуется в интернациональном, то есть как раз глобальном, масштабе, правда, иногда и в форме уличных беспорядков.

Идейным фундаментом рыночной глобализации является неолиберализм. По мнению его адептов, альтернативы свободному рынку нет. Как отмечает в своей книге «Капитализм и свобода» неолиберальный гуру Милтон Фридман, поскольку достижение прибыли есть сущность демократии, любое правительство, проводящее антирыночную политику, является антидемократичным.

Будучи своего рода верованием, неолиберализм окружен ореолом сакральности: бог этой «религии» – Капитал; храм – свободный рынок. Есть и свое евангелие – так называемый «Вашингтонский консенсус» (комплекс мер, рекомендуемых странам для реформирования их экономики. – Ред.). Этот термин, введенный в политический обиход в конце прошлого века экономистом Джоном Уильямсоном, служит для обозначения лишь виртуального консенсуса великих мира сего, принимающих в отношении более уязвимых стран и сообществ важнейшие решения, которые реализуются через международные учреждения, в основном подконтрольные Соединенным Штатам. В данном произведении, излагающем, в сущности, догматы неолиберализма, предлагаются такие подходы, как либерализация цен и финансов, приватизация, дерегулирование экономики государством. (Прощай, учение достопочтенного Джона Мейнарда Кейнса, утверждавшего, что стабильность капитализма зависит от государственного вмешательства в обеспечение занятости!) Проповедуются финансово-бюджетная дисциплина с приоритетностью расходов на государственные нужды, либеральные налоговые реформы, обуздание инфляции; конкуренция валютных курсов; прямые иностранные инвестиции и «святая святых» – либерализация торговли.

Между тем преобладающая ныне неолиберальная парадигма глобализации не столь безобидна, как полагают многие из ее самых горячих сторонников. После окончания Второй мировой войны либерализация под флагом свободной конкуренции, рассматриваемой как панацея от всех бед, стала стержнем Генерального соглашения о

тарифах и торговле (ГАТТ), флаг этот и поныне развевается над ВТО. Однако, как свидетельствует профессор Массачусетского университета (США) Ноам Хомский, «конкуренция встречается на рынках довольно редко. Большая часть экономики контролируется огромными корпорациями, которые безраздельно господствуют на своих рынках».

В результате под эгидой ГАТТ в рамках, по сути, всего капиталистического мира была осуществлена впечатляющая программа правовой либерализации импортных таможенных тарифов для промышленных товаров. Средний уровень импортных пошлин на них был снижен в странах – участницах ГАТТ с 40 % (1948 г.) до менее 4 % в 1990-е годы *ad valorem* (соответственно стоимости товара. – Ред.). Однако либерализация, изначально провозгласившая принцип: *laissez faire, laissez passer* («не мешайте деловой активности, не мешайте пересечению границ». – Ред.), приобрела весьма однобокий характер, поскольку подразумевает, что бедные и слабые страны должны открыть свои рынки для промышленных товаров из богатых и сильных государств, последние же оставляют за собой право на протекционистскую защиту от аграрного, текстильного и иного импорта из слабых стран. Такую модель можно назвать экстравертным либерализмом, который нацелен на либерализацию не собственного, а зарубежного рынка. Иначе говоря, возникает особого рода протекционизм экспорта собственной продукции на иностранных рынках. Страстный поборник принципа *laissez faire* Рональд Рейган «... защитил американскую промышленность от конкуренции со стороны импортных товаров в большей степени ... чем все его предшественники, вместе взятые» (Хомский).

Но почему более слабые страны пошли на такое неравное сотрудничество, к тому же юридически закрепленное? Чтобы вынудить их к этому, было задействовано множество экономических и политических рычагов – например, угроза лишения кредитов, финансовой и гуманитарной помощи. «Долги развивающихся стран послужили для МВФ и МБРР рычагом, чтобы заставить правительства стран Третьего мира принять в 1980-е годы неолиберальные программы “структурного регулирования”, а крах коммунизма позволил США оказать регионам [...] в Восточной Европе и в бывшем СССР содействие в проведении “шоковой терапии”» (Уолден Белло). А кроме того, лучше играть вторые роли, нежели быть аутсайдерами либо, что еще хуже, странами-изгоями...

ЧЛЕНСТВО РОССИИ В ВТО: ОБРАТНАЯ СТОРОНА МЕДАЛИ

Столпом правового регулирования международной торговли является Всемирная торговая организация и, главное, комплекс действующих под ее эгидой свыше пятидесяти многосторонних соглашений, охватывающих широкий спектр международной торговли.

Упорядочивающий и гармонизирующий правовой эффект данной системы – серьезный мотив стремления Российского государства обрести статус ее участника. Сам факт подачи Москвой официальной заявки (1993) должен пониматься как осознание на государственном уровне полезности членства в этой организации. Важным стимулом для участия в ВТО служит и возможность использования механизма урегулирования споров в ВТО, хотя механизм этот не является исключительно правовым (*rule oriented*), но включает и элементы дипломатического (*power oriented*) метода разрешения споров посредством переговоров. При этом значительную роль играет Орган по урегулированию споров (фактически Генеральный совет ВТО), выполняющий скорее роль дипломатического форума, нежели процессуально-правовую функцию, но возможности воспользоваться этим инструментарием Россия получит сразу же после своего вступления, чего не скажешь о других, вообще довольно проблематичных, выгодах.

Отечественные ученые – специалисты по международному экономическому праву неоднозначно относятся к перспективе присоединения нашей страны к ВТО. Владимир Шумилов, например, весьма оптимистичен: он прогнозирует возникновение «глобального экономического пространства» и дальнейшее развитие и укрепление права ВТО. С другой стороны, Сергей Григорян утверждает, что «нет оснований для априорных ожиданий, что вступление России в ВТО даже на относительно приемлемых условиях существенно поможет решить ее экономические проблемы. Возможно, наоборот». Столь же скептически относится к данному вопросу автор этих строк, поскольку в рамках торгово-финансовой глобализации, и соответственно в ВТО, Россия сильно рискует оказаться в рядах Юга.

Какие же надводные и подводные рифы ожидают нашу страну в бурных водах океана мировой торговли?

Первое. Организационно-правовое регулирование современной международной торговли в рамках ВТО концептуально остается и на сегодня непосредственным продуктом неолиберальной, рыночной глобализации – процесса, возглавляемого наиболее агрессивным американским мега-капиталом. Всё новые и новые, зачастую явственно выходящие за пределы компетенции ВТО требования и вступительные «экзамены», которым подвергается Россия, со всей очевидностью служат одной единственной цели, согласующейся с американской политикой сдерживания, – любой ценой задержать вступление России в ВТО. «Мы сознаем, что членство

России может существенно изменить соотношение сил», – признаётся заместитель генерального директора ВТО Родерик Эббот.

Второе. При вступлении в ВТО Россия автоматически становится жертвой экстравертной либерализации: сомнительно, что она быстро сможет (если вообще ей это удастся) стать нетто-экспортером промышленных товаров и тем самым влиться в клуб стран богатого Севера. Во всяком случае России придется широко открыть ворота для импорта иностранных индустриальных товаров.

Наиболее эффективный способ быстрой индустриализации – мощная инвестиционная, налоговая и протекционистская (в отношении иностранной конкуренции) государственная поддержка. Но беда как раз в том, что все подобные меры запрещаются или подавляются правилами ВТО в свете неолиберальной концепции свободной конкуренции.

Третье. В ходе более чем полувекового процесса неолиберализации международной торговли западные страны успешно сопротивляются требованиям Юга отменить «западный» аграрный протекционизм, а также протекционизм в отношении промышленного производства Юга, в котором он конкурентоспособен на западных рынках (текстиль, готовая одежда и аналогичные товары). Продукция стран Третьего мира остается невостребованной, а аграрная продукция Севера продается в развивающихся государствах иногда даже дешевле, чем собственная. Как отмечал бывший директор-распорядитель Международного валютного фонда Хорст Кёлер, вся помощь, получаемая бедными странами, гораздо меньше тех средств, которые они теряют в силу протекционистских мер развитых стран. В таких условиях России, имеющей огромный потенциал аграрного производства продовольствия и сырья, едва ли удастся занять соответствующее место на мировых рынках.

Четвертое. Страны Запада предпочитают свободу игры и на рынках сырья. На практике это ведет к хищнической эксплуатации ресурсов планеты в интересах крупных корпораций. Заложниками этой модели волей-неволей становятся государства, экономика которых зависит от производства и экспорта сырья: они превращаются в сырьевые придатки развитых государств, поскольку иностранные инвестиции и кредиты направляются именно в сырьевое производство.

Россия после распада СССР и социалистического лагеря быстро превратилась в страну, по сути зависящую от экспорта энергетического и иного сырья. (В 1990-е кредиты Всемирного банка шли прежде всего в нефтегазовый и угольный секторы нашей экономики). Единственная возможность удержать страну от ее превращения в сырьевой придаток Европы (а также США, Китая и других государств) – это концептуально вернуться к политике бывшего СССР, когда на доходы от экспорта сырья строились, в частности, крупные промышленные предприятия. Во всяком случае, не приходится уповать на применение правовых рычагов в рамках ВТО и прочих международных организаций с целью содействовать индустриализации сырьедобывающих стран.

Пятое. Торговля услугами развивается исключительно быстро, значительно опережая темпы роста торговли товарами. Между тем национальные рынки услуг повсеместно подпадают под протекционистскую защиту. Во многих странах разные виды услуг часто монополизированы государственным сектором (железные дороги, водоснабжение, электроэнергетика, связь и т. д.). Все это не способствует формированию действительно свободного рынка услуг и его эффективному международно-правовому регулированию, в котором заинтересованы наиболее конкурентоспособные в этой области страны, прежде всего Соединенные Штаты.

Хотя в 1994 году и было заключено Генеральное соглашение по торговле услугами (ГАТС), предоставление допуска на внутренний рынок иностранных предприятий по конкретным видам услуг и на условиях национального режима, однако, практически остается в компетенции национальных государств. Но в ходе переговоров государства могут принимать на себя в рамках ГАТС так называемые конкретные (специфические) обязательства заморозить существующие национальные ограничения по допуску иностранных услуг и не ужесточать их.

При вступлении во Всемирную торговую организацию России следует по примеру других стран обеспечить защиту своего рынка услуг, особенно в страховом и банковском бизнесе, где иностранная конкуренция особо опасна. Конечно, открытие транспортного транзита через Россию было бы выгодно трубопроводным, авиа- и автопредприятиям западных стран, но где же свободный транзит между Калининградским эксклавом и остальной Россией? Нельзя не напомнить и о так называемых соглашениях об односторонних «добровольных ограничениях» экспорта, которые Вашингтон использовал в 1990-е для того, чтобы оказывать грубое давление на Россию, Китай и Украину с целью максимально тормозить их выход на мировой рынок торговли услугами в области запусков космических спутников ракетами-носителями.

Шестое. В полном противоречии с неолиберальным принципом свободы конкуренции ведущие либерализаторы

– развитые капиталистические страны во главе с Соединенными Штатами – активно используют, в том числе в отношении России, протекционизм и дискриминацию во всем спектре внешней торговли (нередко и в своих политических интересах). Имеется в виду, в частности, неправомерное применение торговой блокады, эмбарго, бойкота и других силовых мер в отношении политически неугодных стран; неоправданное использование антидемпинговых мер, чрезвычайных защитных мер. Это и прямое манипулирование, если не шантаж, с предоставлением финансовой помощи странам в обмен на их политическую, военную поддержку.

По оценкам Министерства экономического развития и торговли РФ, Россия находится на втором месте после Китая по числу мер, которые применяются, нередко необоснованно, против ее товаров. Самый одиозный пример: американская так называемая поправка Джексона–Вэника, действующая с 1974 года в отношении СССР, а потом России. Эта поправка предусматривает невозможность применения в торговых отношениях режима наибольшего благоприятствования к странам, препятствующим эмиграции своих граждан (в случае СССР это были лица еврейской национальности). Поправка не отменена и до сих пор, хотя ограничений для выезда евреев из России давно нет.

Седьмое. В рамках Марракешского пакета соглашений (1994) было заключено Соглашение о торговых аспектах прав интеллектуальной собственности (TRIPS) с благой целью защиты от пиратства авторских и патентных прав, принадлежащих прежде всего правообладателям западных стран. При этом размах производства контрафактной продукции прямо пропорционален взвинченным монопольными ценам на продукцию, защищаемую исключительными правами. Фармацевтические гиганты Севера не желают, к примеру, снижать монопольные цены или делать патентные (лицензионные) послабления для производства в странах Юга так называемых антиретровирусных препаратов, широко и эффективно применяемых на Севере для борьбы со СПИДом, но недоступных на Юге в силу их дороговизны. Священное право собственности, справедливо обеспечиваемое правилами ВТО, как обычно, не в ладах с социальной справедливостью.

Другим важным документом Марракешского пакета является Соглашение о торговых аспектах инвестиционных мер (TRIMS), направленное на недопущение нарушений неолиберальных принципов свободы конкуренции в странах – импортерах инвестиций. Оговоренные TRIMS запреты, в частности касающиеся практики допуска и использования иностранных инвестиций на условиях достижения страной-импортером определенных экономических результатов (“performance requirements”), не отвечают потребностям индустриального развития России.

Восьмое. После окончания Второй мировой войны и крушения колониальной системы перед развитыми капиталистическими странами встала проблема сохранения традиционных и установления новых экономических связей со ставшими юридически независимыми странами Третьего мира. Чтобы удержать развивающиеся страны в орбите капиталистического мира, применялись как «политика кнута» (Вьетнам, Гренада), так и «политика пряника» – целенаправленная финансовая помощь, на практике оказавшаяся более продуктивной, чем «кнут».

Принцип уважения прав человека и основных свобод превратился при этом в удобный предлог для интервенции (в том числе гуманитарной) и для вмешательства во внутренние дела, разумеется, обычно более слабых государств: ведь нарушение прав и свобод человека при желании можно обнаружить в любой стране. К примеру, когда первоначальный повод для нападения на Ирак – ликвидация оружия массового уничтожения – «лопнул», агрессор переключился на защиту прав и свобод человека.

Россия многократно испытала и испытывает на себе двойные стандарты в применении данного принципа. Это, к примеру, с одной стороны, навязчивые обвинения в излишнем применении силы и ущемлении прав человека в Чечне, и с другой – отказ выдавать в Россию чеченских террористов, укрывающихся за рубежом, или нежелание признать факт дискриминации русскоязычного меньшинства в Латвии и Эстонии.

Девятое. В настоящее время происходит масштабный рост участия государств, как таковых, в торгово-экономических отношениях с контрагентами – субъектами частного права других государств («диагональные» отношения). Соответствующие сделки с «торгующими государствами» частные партнеры заключают обычно на условиях обеспечения имущественной ответственности государства на случай неисполнения им своих обязательств и часто с условием применения права тех государств, на территории которых находятся соответствующие частные лица. Эта практика способствовала постепенному отходу от концепции абсолютного государственного иммунитета и от невозможности привлечения государства к суду в другом государстве в силу принципа *par in parem non habet jurisdictionem* (равный равному неподсуден). В результате во внутреннем праве отдельных государств (Великобритания, Германия, Италия, Канада, США, Франция, Россия) возникло и постепенно закреплялось понимание государственного иммунитета как функционального. Это означает, что государство имеет право на иммунитет от властных действий другого государства только тогда, когда выполняет свои суверенные, властные функции – *jure imperii*, но не тогда, когда выступает в качестве торгового,

коммерческого партнера в частно-правовых отношениях.

Концепция функционального иммунитета применяется и к Российскому государству в случаях его участия на коммерческих условиях в мировых торговых отношениях. Необходимо иметь, однако, в виду, что принцип функциональности применим не ко всей полноте государственного иммунитета (включая дипломатический иммунитет), а лишь к одной из его составляющих – к судебному, процессуальному иммунитету.

Десятое. Развитие «диагональных» сделок и других контрактов между предприятиями развитых и развивающихся стран привело к уходу от применения «нежелательного» законодательства (юрисдикции) прежде всего развивающихся стран, в том числе ориентированного на развитие национальной экономики и на решение социальных задач, то есть законодательства, примененного к соответствующим трансграничным сделкам и возникающим на их основе спорам.

Появляются теории, утверждающие особые, самодостаточные «внегосударственные» правовые системы или методы, которые должны заменять как международное, так и национальное право. Это так называемые «транснациональное право», «мягкое право», т.н. *lex mercatoria* (купеческое право), концепции самодостаточности частно-правового контракта («контракт без права»), трактуемого как исчерпывающее право для сторон.

Все это укладывается в далеко идущие задачи дискредитации национально-этатистской концепции права, грядущего создания мирового правительства, «мирового права» и т. п. и ведет к подрыву четкой правовой основы международных экономических отношений, к замене ее правом силы. В отсутствие ясного закона и его надежного обеспечения верх берут «кулачное право», «самопомощь», вплоть до физического устранения оппонентов.

В этой связи нельзя обойти вниманием и угрозу, связанную со стремлением внедрять методы экстерриториального действия американских законов за пределами страны. Свежим одиозным примером может служить решение Верховного суда США, позволяющее судам низших инстанций разбирать дела, касающиеся европейской собственности (иск американской гражданки Марии Альтман к австрийскому правительству о возврате ей хранящихся в Государственном музее Австрии шести ценных картин из коллекции Фердинанда Блох-Бауэра – австрийского еврея, покинувшего страну в 1938 году). Это решение способно спровоцировать новую волну возврата собственности, принадлежавшей евреям до периода нацистской оккупации.

Разумеется, всякие эвентуальные посягательства на российское юрисдикционное поле со стороны любого иностранного экстерриториального законодательства крайне опасны и недопустимы. В условиях, когда правовое регулирование в международных организациях и в двусторонних отношениях зависит от воли Вашингтона и поддерживающих его стран, твердые правовые основы международных отношений для России исключительно важны.

Одиннадцатое. Транснациональные корпорации (ТНК) оказывают двоякое экономическое, политическое и социальное воздействие. С одной стороны, их инвестиционная и торговая деятельность стимулирует и ускоряет развитие экономики принимающих стран. С другой – они используют свою мощь для давления на политику стран – импортеров капитала, часто нанося ущерб национальным интересам последних, допускают налоговые и коррупционные злоупотребления, отказываются принимать местную юрисдикцию, требуя особых льгот и привилегий, предпринимают попытки получить иммунитет статуса субъекта международного публичного права и т. п.

Деятельность ТНК в России, разумеется, ничем не отличается от их практики в других странах, особенно в развивающихся. Международно-правовая защита от негативных элементов этой деятельности отвечала бы российским интересам.

Двенадцатое. Развитие рыночной глобализации и усиление террористической активности – процессы параллельные и взаимосвязанные. Терроризм коренится не только в бедности, но скорее, в углубляющейся пропасти между бедностью и богатством, в желании добиться успеха любой ценой, в использовании террора в политических целях, в том числе на путях сепаратизма и религиозного экстремизма. Вместе с тем провозглашение борьбы с терроризмом чуть ли не главной задачей международного сотрудничества, утверждение «права» на превентивное, упреждающее применение военной силы против угрозы терроризма, поиски очагов терроризма в странах-изгоях направлены не столько на противостояние террору, сколько на достижение своих корыстных целей Вашингтона.

Совпадение в России торжества неолиберальной политики с возникновением и расцветом терроризма, конечно, тоже не случайно. «Наш» терроризм в немалой степени является следствием нашего же неолиберализма, и

борьба с первым бесполезна без отказа от доминанты второго. Ведь неолиберальные реформы 1990-х уже привели к тому, что только по официальным данным Федеральной службы государственной статистики, в 2005 году за чертой бедности находилось около 15 % населения России, т. е. более 20 млн человек.

* * *

Приведенный выше перечень трудностей и угроз, предстоящих перед Россией, разумеется, не исчерпывающий. Кардинально же важно то, что экономический курс российского правительства и на сегодня продолжает быть радикально неолиберальным, по сути, антиконституционным (Статья 7 Конституции РФ прямо гласит, что Россия – социальное государство). Очевидно, что сохранение неолиберального курса оказывается возможным только в результате сложившегося в стране номенклатурного управления. «Номенклатура, бюрократия, ранее допустившая до власти возвращенных ею же олигархов, а также либералов, решила, что может управлять страной самостоятельно. [...] выбрана худшая модель развития страны» (Гавриил Попов). Утвердилась модель, обкатанная и проявившая продуктивность в олигархической экономике США: ставка на индивидуализм, жесткую конкуренцию, материальный успех любой ценой, бездуховность, наличие резерва дешевой рабочей силы, невмешательство в экономический процесс государства с его социальными функциями. Модель, грубо противоречащая историческому опыту, ментальности, уровню жизни, национальному укладу большинства населения нашей страны. А потому обреченная у нас на провал.

Последнее обновление 3 июля 2006, 19:47

«Россия в глобальной политике» (с) 2002-2010